

РЕЛИГИОЗНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Е. Островская-мл.

Современные социогуманитарные исследования выдвигают на передний план проблему разработки научных критериев реконструкции политической, религиозной, экономической и культурной истории стран Азии. В современном дискурсе эта проблема артикулируется в связи с теоретическим осмыслением глобализационных процессов размывания национальных культур, активного внедрения конструкта “глобальная культура”, утраты историчности времени и превращения культурных территорий в очаги глобального туризма. Глобализированная социально-политическая реальность выдвигает и активно навязывает идеалы кросс-культурного национального государства европейского образца, единого пространства экономических, политических и социокультурных практик, синхронизации культур. Эти идеалы не могут быть интерпретированы с позиций ранее закрепленных научных моделей и концептов истории. Более того, само понятие времени оказывается излишним для стремительно развивающейся современности¹.

Гуманитарный научный поиск, выбор тематик, направленность исследований, теоретическое конструирование оказываются в зависимости от непосредственных и проективных целей политического моделирования настоящего, прошлого и будущего социальной истории глобального мира. Современное научное исследование времени в его социальном, культурном, религиозном и идеологическом измерениях вяло пульсирует под цензурой политкорректности, толерантности, возможного и дозволенного в пределах стремительно устаревающих концепций истории.

Особенно остро проблема утраты исторической рамки современности встает в связи с изучением азиатских обществ, воспроизводящих в своей повседневности живые образцы фундированных в культуре идеологических конструктов социального времени. Социологическое, антропологическое и востоковедное изучение современного состояния азиатских культур с необходимостью подводит исследователя к вопросу о критериях реконструкции их прошлого. Историческое прошлое азиатских обществ – как, впрочем, и настоящее – сформированы традиционными религиозными идеологиями, а отнюдь не идеалами европейского гуманизма, эгалитаризма, прав человека и приматом идентичности индивидуума. Культурное наследие традиционных религиозных идеологий – и это необходимо всемерно подчеркнуть – продолжает воспроизводиться во всем многообразии социальных, политических, экономических и социокультурных практик большинства азиатских обществ. И даже в диаспорах, в ситуации добровольного или вынужденного проживания в странах Запада для выходцев из азиатских обществ центральным оказывается вопрос о воспроизведении национальной и этнической идентичности. Ответ на него неизбежно сопряжен с обращением к тем представлениям о социальной истории, человеке и обществе, которые сложились в традиционных религиозных идеологиях.²

В настоящей статье будет рассмотрен методологический аспект изучения традиционного историографического наследия в перспективе решения проблемы разработки научных критериев реконструкции истории азиатских обществ.

В качестве объекта данного исследования выступает тибетская историография и предложенная ею концепция социально-исторического времени.

Тибетобуддийская историография интересна не только в аспекте иллюстрирования характерных для традиционной идеологии способов конструирования социально-политической истории, но и в перспективе анализа современности. Идеологические конструкции, закреплённые в этих письменных памятниках, воспроизводятся с той или иной степенью полноты в современной повседневности тибетских анклавных расселений по миру. Конструирование идентичности в диаспоре осуществляется посредством рефлексии об историческом прошлом тибетской культуры. Кроме того, следует указать и то обстоятельство, что сама тема реконструкции истории тибетского общества и культуры остается неизменно актуальной и для представителей традиционной буддийской учености в диаспоре на территории Индии, и для светских ученых Тибетского Автономного Района КНР.

Отправным пунктом нашего исследования выступает тезис о принципиальной идеологической направленности тибетобуддийской историографии, как собственно и большинства письменных памятников, классифицируемых в мировой тибетологии в качестве “исторических хроник”, “исторических нарративов” и т. п. Под идеологической направленностью мы понимаем базовую характеристику религиозной рефлексии о социально-историческом времени – концептуализацию истории конкретного социума в жесткой соотнесенности с религиозной картиной мира, религиозной моделью общества и текущей политической практикой.

Рефлексия религиозных идеологов о социально-историческом времени, безусловно, исторична в том отношении, что всегда продуцируется конкретной социальной, культурной и политической жизнедеятельностью социума. Однако результаты подобной рефлексии представляют собой не собственно историю общества в многообразии фактов, дат и событий, а определенным образом препарированный материал – идеологический конструкт³. Научный анализ такого рода конструкций требует выявления тех параметров, в соответствии с которыми авторы историографических сочинений осуществляли собственное конструирование социальной и политической истории общества.

Отечественная и зарубежная тибетология делает лишь первые шаги в осознании необходимости вышеуказанного методологического переосмысления историографического наследия тибетской культуры. В последние десятилетия в научный оборот были введены крупнейшие историографические трактаты тибетобуддийской учености XII – XIV вв., что само по себе уже требует ревизии прежних точек зрения и подходов. И здесь мы имеем в виду потребность в критической переоценке утвердивших себя еще на заре тибетологии позиций относительно способов реконструкции исторического материала, представленного в тибетской историографии⁴.

В современной мировой тибетологии все еще продолжают использоваться три способа научной концептуализации социально-политической и идеологической истории Тибета. Первый, восходящий к классикам-основателям изучения Тибета⁵, предполагает изложение тибетской истории в жесткой корреляции с фактурой, датировками, событиями и центральными тезисами тибетобуддийской историографии XII – XVII вв. Эта позиция сформировалась в период, когда большинство крупных историографических сочинений тибетобуддийской классики еще не было переведено. Задача исследователей ограничивалась первичным введением этих памятников в науку – их каталогизацией и атрибутированием. Авторы классических для тибетологии трудов находились в теснейшем контакте с носителями культуры и представителями традиционной учености, обладали опытом проживания в стране, создавали первые пособия по тибетскому письменному

языку. Их труды стимулировали прорыв к подлинно научному познанию тибетской культуры, противостоящему тем мистификациям о “тайнах” Тибета, которые распространились на Западе и в России благодаря деятельности адептов Тесофского Общества.

Предложенный в тибетологической классике подход располагал тем преимуществом, что апеллировал непосредственно к письменным источникам, утверждал необходимость их перевода, комментирования и полномасштабного введения в научный оборот. Вместе с тем, авторы первых крупных тибетологических монографий безоговорочно доверяли интерпретациям носителей культуры и в своих работах продвигали эти интерпретации в качестве тезисов, не требующих доказательств. Стремясь к обобщениям и экстраполяциям, основоположники тибетологии формулировали смелые гипотезы, подтвердить или опровергнуть которые предстояло следующим поколениям ученых. Однако в соответствии с закономерностями формирования научных школ любое слово основоположника обретало статус методологического постулата.

Второй, широко используемый в тибетологии способ препарирования письменного тибетобуддийского наследия предполагает обращение к устоявшейся во всеобщей истории периодизации – древность, средневековье, новое и новейшее время. В таком ракурсе рассмотрения доминантами научного поиска становятся экономические, политические, административные корреляции историй европейских обществ и обществ азиатских, а не вопросы выявления религиозно-идеологических оснований традиционной историографии. Обнаружение указанных корреляций позволяло классифицировать соответствующие периоды жизнедеятельности тибетского общества как соотносимые с европейской универсалистской схемой – древность, средневековье, новое и новейшее время. Соответственно в подобных исследованиях внерефлексивно использовались датировки и фактура, обнаруживаемые в идеологически обусловленных тибетских историографических сочинениях, как если бы они являлись объективной фиксацией событий⁶.

Третий способ прослеживается в работах ученых, ангажированных в политико-идеологическом или религиозном аспектах. В исследованиях такого рода трактовка содержания историографических сочинений оказывается в прямой зависимости от направленности идеологического заказа, выполняемого ученым, или личных религиозных установок.

Идеологическая подоплека выдвигаемых трактовок истории тибетского общества, религий и культуры весьма характерна для китайских династийных хроник и современных работ китайских историков. В этом случае аналитической рамкой отбора источников, признания или непризнания упоминаемых в них событий в качестве исторических фактов и реконструкции тибетской социальной истории выступает официально принятая и популяризируемая трактовка геополитических отношений Тибета и Китая⁷.

Религиозная мотивированность исследования тибетобуддийской историографии выражается в том, что ученый отождествляется с письменно зафиксированными религиозно-идеологическими конструкциями как с объектами веры, не подвергая их сомнению или научной рефлексии. Такая позиция свойственна работам тех европейских ученых, которые считают себя буддистами⁸. Научный поиск в таких случаях идет рука об руку с религиозной вовлеченностью автора, находящегося в плену идей той учительской традиции, адептом которой он стал.

Современные историографические изыскания буддийских ученых тибетской диаспоры, как и тибетских ученых Тибетского Автономного Района КНР, соединяют оба вышеназванных аспекта – религиозная мотивированность соседствует в них с идеологической ангажированностью. Вместе с тем, подобные труды являют собой весьма ценный материал для востоковедного и социологического

изучения, поскольку в них воспроизводятся традиционные позиции и конструкции тибетобуддийской историографии, а изложение базируется на апелляции к письменным памятникам⁹. И в этом смысле современные тибетские историографические сочинения дают простор выявления и интерпретации тех изменений, которые претерпело религиозно-идеологическое конструирование социальной истории.

Направление возможной критической ревизии уже устоявшихся в тибетологии точек зрения на тибетскую историографию отнюдь не предполагает полный отказ от достигнутых ранее результатов. Однако их внерефлексивное использование представляется нам неприемлемым в свете современного развития мировой буддологии, появления новых комментированных переводов и публикаций тибетского письменного наследия¹⁰. Наряду с этим, необходимо, на наш взгляд, отказаться и от другой крайности – интерпретации тибетобуддийской историографии в качестве собрания точек зрения религиозных мыслителей об истории Тибета. При таком чрезвычайно наивном подходе проблема научной реконструкции тибетской социально-политической и культурной истории сводится к сопоставлению дат, имен, географических названий, фигурирующих в различных сочинениях, к спекулятивной дешифровке тибетского летоисчисления по лунному календарю и поименования годов в соответствии с «животным» циклом.

Перевод памятников, введение их в научный оборот, сопоставительный анализ есть обязательная составляющая научного исследования социальной и культурной истории Тибета. Однако на каждом из этих этапов тибетолог неизбежно сталкивается с проблемой выявления идеологической подоплеки фактов, упоминаемых в источнике, конструкторов социально-исторического времени, да и собственно языка изложения.

Методологическое положение о религиозно-идеологической обусловленности содержания тибетской историографии мы проиллюстрируем посредством анализа ее смыслообразующих доминант.

Знания об истории, религиях и культуре Тибета, аккумулированные в современной науке, преимущественно извлечены из традиционных историографических сочинений. Однако при этом очень слабо учитывается то немаловажное обстоятельство, что тибетские буддийские историографы отнюдь не являлись беспристрастными повествователями-документалистами. В абсолютном своем большинстве они придерживались вполне определенной идеологически тенденциозной концепции. Центральные ее положения обнаруживаются с теми или иными вариациями во всех сочинениях, претендующих по своему жанру на роль исторической хроники или историографического трактата.

Необходимо сказать несколько слов о собственно тибетских источниках, на основе которых принято выстраивать научные реконструкции истории Тибета. Первую группу источников составляют данные эпиграфики – дарственные скальные надписи и надписи на стелах о пожаловании земель и собственности кому-либо из подданных тибетского верховного правителя, надписи на стенах монастырей и специальных глыбообразных сооружениях, сообщающие о датах основания монастыря и его создателях. Наиболее ранние из обнаруженных к настоящему времени эпиграфических памятников относятся к VIII в. – периоду активного внедрения буддийской идеологии усилиями тибетских государей.

Вторую группу источников образуют хроники, найденные в Дуньхуане. Составлены они были также не ранее IX – X вв. Особенно интересна так называемая годовая хроника. Она охватывает период в сто семь лет (середина VII – середина VIII в.), причем каждому году в изложении посвящается три – пять строк. Основное содержание этого источника касается событий, связанных с деятельностью верховного правителя и его советников, сообщений о назначениях чиновников на

административные посты либо снятия с них, о форме налогообложения. Весьма интересны также письменные источники, повествующие о событиях в Восточном Туркестане. К таковым относятся частные и официальные письма, записи, документы, составленные в связи с пребыванием тибетских войск на территории Восточного Туркестана.

Третью группу источников образуют целый ряд уже собственно историографических памятников, принадлежащих авторству буддийских тибетских историографов периода средневековья. Наибольшим авторитетом в самом Тибете и за его пределами пользовались “История буддизма”, составленная в XIV в. Будоном Ринчендубом, “Красные Анналы” (XIV в.), принадлежащие авторству Цалпа Кунге Дордже, “Синие Анналы” (XV в.) Гойлоцзавы Шоннубала, “Светлое зеркало истории буддизма и царских родословных”, принадлежащее авторству Сакья Соднам Чжалцана (XIV в.), а также историографическое сочинение, созданное пятым Далай ламой Лобсан Чжамцо (XVII в.) и “Пагсам Джонсан” (XVIII в.) авторства известного амдосского буддийского историографа Сумба Кханбо Ешей Балджора.

Отдельно следует выделять и анализировать текст, вошедший в мировую тибетологию под общим весьма условным названием “Хроника Башед”. Это сочинение используется в качестве источника конкретных сведений по начальному периоду истории тибетской государственности Сочинение, фигурирующее в востоковедении под этим названием, существует во множестве версий и приписывается тибетобуддийской историографической традицией авторству одного из царских советников (VIII в.). В научный оборот введены три версии текста, относимые авторами переводов этих версий на английский язык соответственно к XII в., XIII в. и XIV в.¹¹

В каждом из этих источников содержится определенная версия исторических событий VII – IX вв. – периода становления тибетской государственности и формирования этно-национальной общности “тибетцы”. Специфической чертой, объединяющей перечисленные выше традиционные версии концептуализации тибетского социально-исторического времени, выступает стремление историографов представить социальную и политическую историю тибетского общества именно как изначально буддийского. И здесь следует всемерно учитывать тот факт, что тибетские историографические сочинения начали создаваться только в XII – XIV вв., когда Тибет представлял собой уже вполне сложившуюся этнокультурную целостность, располагавшую собственной письменной традицией, а социально-политическое единство этой страны обуславливалось внедрением буддийской религиозной идеологии¹².

Авторами и составителями тибетских историографических сочинений выступали носители буддийской письменной культуры. Излагая историю древнего Тибета, они опирались на сведения, почерпнутые из устной народной традиции – преданий и мифов. Время возникновения древнего тибетского государства, его этнический состав, географическое расположение – все это выступало предметом размышления историографов. Тибетские историографические сочинения не могли оказаться идеологически нейтральными, поскольку были подчинены вполне определенной сверхзадаче – представить историю государства в тесной связи с процессом утверждения буддизма в Центральной Азии.

Буддийские историографы, как правило, включали в изложение реальных событий упоминание о сакральной истории Тибета до VI в., предшествовавшей проникновению буддизма. Важно подчеркнуть, что сакральная история, касающаяся первых легендарных царей и возникновения союза племен, трактовалась буддийскими историографами не более чем как набор версий, допущенных к рассмотрению. “Реальная” история начинается, согласно буддийской историографии

ческой традиции, только с событий, связанных с деятельностью первого тибетского царя Сронцангампо, провозгласившего Тибет буддийским государством.

Необходимо отметить, что наряду с этим существуют источники небуддийского происхождения, составленные последователями автохтонной тибетской религиозной традиции бон, возникшие не ранее XI – XII вв. В них также прослеживается попытка воссоздать историю до появления тибетских царей VII – VIII вв. Авторы этих сочинений опирались на сведения, зафиксированные в устной традиции, и этим обусловлены совпадения версий буддийских и бонских историографов относительно предания о первой царской династии. Вместе с тем, различия в религиозной принадлежности приводили авторов сочинений к принципиально разным интерпретациям этого предания. Буддийские историографы излагают сведения о происхождении тибетского этноса и появлении царской династии весьма лаконично, сохраняя лишь событийную канву, присутствующую в устной традиции. В противовес такому подходу в памятниках, созданных последователями религии бон, подробно пересказываются мифологические сюжеты и предание о первоцарях, сошедших с небес на землю.

Разумеется, подобные “исторические” нарративы не являются “историей” в собственном смысле этого слова, однако они воспроизводят ту сумму сведений об этническом генезисе, сакральной географии, происхождении высшей политической власти, которые и легли в основу представлений тибетцев о себе как единой этнокультурной общности, военном союзе племен, возникшем в начале VII в.

Уже на уровне приведенного выше весьма лаконичного сопоставления научно признанных источников по истории Тибета мы сталкиваемся с проблемой несовпадения трактовок одних и тех же событий, их затенением или гипертрофированной акцентировкой. Попытка разрешения этой проблемы в парадигме “истинно – неистинно” не представляется возможной с научной точки зрения, так как и буддийская и бонская версии экспонируют прежде всего религиозную концептуализацию социально-исторического времени становления тибетской этнообщности.

Определяющей религиозной детерминантой конструирования социально-исторического времени в буддийских историографических трактатах выступала концептуализация тибетского общества как изначально буддийского. Соответственно отправным пунктом развертывания социально-исторического времени служила дата ухода Будды в Паринирвану¹³. Иными словами, для тибетских последователей буддизма начало истории связывалось с этим, сугубо сакральным событием. Результаты хронологических вычислений Паринирваны Будды варьировали от школы к школе, однако именно к этой дате «подтягивались» датировки иных событий, имевших идеологическую значимость, – выстраивалась генеалогия учительских традиций, указывалось время жизни школьных иерархов, датировались периоды их проповеднической деятельности.

Идеологической детерминантой изысканий тибетских историографов выступает необходимость обоснования аутентичности школьных традиций в аспекте их преемственности относительно индийского буддизма и обеспечения легитимации политических амбиций аристократических кланов, патронировавших школам.

Анализ историографических сочинений XII – XVII вв. позволяет констатировать тот факт, что вопрос о легитимации клановой генеалогии претендентов на теократическое господство в Тибете являлся одной из центральных идеологических проблем. При осознании важности этой проблемы только и становится понятной прослеживаемая из сочинения в сочинение претензия тибетобуддийских историографов на скрупулезное поименное воссоздание генеалогии политических патронов, возводимой либо к первоцарям, либо к тем кровнородственным кланам, которые стояли у истоков тибетской империи VIII – IX вв.

В каждой из школ тибетского буддизма предпринимались отчетливые попытки ретроспективного моделирования истории становления тибетской государственности как изначально буддийской, неизменно воплощавшей учение Будды в социальной, политической и идеологической практике. Тибетские буддийские историографы конструировали историю укоренения буддизма в Тибете как составляющую более широкого процесса – распространения Дхармы за пределы Индии, а само становление тибетобуддийской традиции – как историческую веху в нем. В архитектонике и композиции подобных сочинений почти в обязательном порядке присутствует раздел, посвященный религиозной доктрине буддизма и его зарождению в Индии.

Основополагающий историографический тезис состоял в утверждении чистоты тибетобуддийской традиции, т. е. “фактического” обоснования того, что она является подлинным продолжением индийской, сохранившим ее исходную полноту. Историческим “фактом” при такой концептуализации времени становилось только то событие, которое подтверждало этот тезис.

Соответственно цель написания историографических сочинений на базе устных нарративов, агиографической литературы, официальных документов могла быть только религиозно-идеологической. Историографические трактаты создавались адептами школьных традиций, и предметом их интереса выступала сакрализация истории конкретной школы и ее политических патронов, а не документальное описание процессов становления тибетского государства или буддизма в Тибете.

Сравнительное изучение тибетобуддийских историографических сочинений показывает, что, несмотря на известную вариативность религиозно-идеологического конструирования социально-исторического времени, всем им присущи единые критерии выстраивания того, что мыслится как история.

¹ Мы апеллируем здесь к западным исследованиям, весьма интересным в аспекте анализа культурно закреплённых концепций исторического времени и их изменений в контексте глобализационных процессов: Arjun Appadurai. *Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1998; M. Featherstone (ed.). *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity*. London, 1990.

² См.: Е.А. Островская-младшая. Тибето-буддийский социально-политический проект. М., 2002; F.J. Korom (ed.). *Tibetan Culture in the Diaspora*. Wien, 1997; Michael F. *Rule by Incarnation. Tibetan Buddhism and Its Role in Society and State*. Colorado, 1982.

³ О способах и принципах религиозно-идеологического конструирования социальной реальности см.: Е.А. Островская-младшая. Религиозная модель общества. Социологические аспекты институционализации традиционных религиозных идеологий. СПб., 2005.

⁴ Тезис о необходимости ревизии тибетологических концепций социально-политической истории Тибета отчетливо высказывается в целом ряде монографий, посвященных переводу или анализу письменного наследия тибетобуддийской культуры. Приведем лишь некоторые, наиболее прегnantные в этом смысле исследования: C.I. Beckwith. *The Tibetan Empire. : dBa' bzhed. The Royal Narrative Concerning the Bringing of the Buddha's Doctrine to Tibet. Translation and Facsimile Edition of the Tibetan Text by Pasang Wangdu and Hildegard Diemberger*. Wien, 2000.

in Central Asia. New Jersey, 1987; Geza Uray. *The Old Tibetan Sources of the History of Central Asia up to 751 A.D.: A Survey*. In: J. Harmatta (ed.). *Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia*. Budapest, 1979; P.K. Soerensen. *The Mirror Illuminating the Royal Genealogies*. Wiesbaden, 1994; Tsering Gyalbo, Guntram Hazod, Per K. Soerensen. *Civilization at the Foot of Mount Sham-po*. Wien, 2000.

⁵ В качестве примера здесь можно привести пользующуюся огромной популярностью в мировой буддологии монографию G. Tucci. *The Religions of Tibet*. California, 1980.

⁶ Подробнее о таком ракурсе анализа социально-политической истории Тибета см.: C.I.Beckwith. *The Tibetan Empire in Central Asia*. New Jersey, 1987, p. 250-253.

⁷ Примеры такого подхода поистине многочисленны, в контексте нашего исследования весьма репрезентативны следующие монографии: Wang Furen and Suo Wenqing. *Highlights of Tibetan History*. Beijing, 1984; Ya Hanzhang. *The Biographies of the Dalai Lamas*. Beijing, 1991.

⁸ Работы немецкого социолога, религиоведа и востоковеда Детлефа Кантовски представляют яркую иллюстрацию этого способа осмысления сущности буддийской доктрины и истории распространения буддизма в Азии и на Западе. См.: Detlef Kantowsky. *Buddhism*. Braunschweig, 1994.

⁹ См.: Харьковская Е.Ю. Сочинения Муге Самтена Гьяцо (1914 – 1993) как источник изучения истории тибетобуддийской культуры. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. На правах рукописи. СПб., 2006.

¹⁰ Отечественная тибетология обогатилась переводами на русский язык двух крупных историографических памятников тибетской культуры – «Истории буддизма» Будона Ринчендуба и «Синих Анналов» Гойлотсавы Шоннупала. См.: Будон Ринчендуб. *Истории буддизма*. СПб., 1999; Гой-лоцава Шоннупэл. *Синяя летопись. История буддизма в Тибете*. СПб., 2001. Усилиями зарубежных тибетологов в научный оборот был введен основополагающий для тибетобуддийской историографии памятник, см.: dBa' bzhed. *The Royal Narrative Concerning the Bringing of the Buddha's Doctrine to Tibet*. Translation and Facsimile Edition of the Tibetan Text by Pasang Wangdu and Hildegard Diemberger. Wien, 2000.

¹¹ Подробное рассмотрение истории этого памятника, различных версий переводов на западные языки см.: dBa' bzhed. *The Royal Narrative Concerning the Bringing of the Buddha's Doctrine to Tibet*. Translation and Facsimile Edition of the Tibetan Text by Pasang Wangdu and Hildegard Diemberger. Wien, 2000, p. IX – XV.

¹² Подробнее см.: Е.А.Островская-младшая. *Тибетский буддизм*. СПб., 2002, с. 161-230.

¹³ См. там же, с. 226-229.